

Моя педагогическая жизнь

Доктор педагогических наук профессор /Автобиография/ Детство Я родился в 1892 году в местечке Чернобыле, Киевской губернии, на реке Припяти. До 13 лет я учился в хедере /еврейской школе/, где я получил традиционное воспитание, мало отличающееся от воспитания в средние века. Хедер в конце XIX и начале XX ст., как и в прошлые времена, распадался на начальный, в котором изучались древнееврейская грамота и начатки библии, средний, в котором изучались библия и начатки талмуда, и высший, где изучался талмуд с различными комментариями. В начальный хедер я поступил ребенком, когда мне не исполнилось и 4-х лет. По окончании начального хедера я поступил в средний, где учителем был мой отец, а в 9 лет я поступил в высший хедер /ешибот/, в котором преподавал мой дедушка. Дедушка оказал большое влияние на мое умственное развитие. Он был выдающимся ученым-талмудистом и педагогом. В то время существовало два метода изучения талмуда: пилпулистический и логический. Первый метод заключался в том, что нарочито выдумывались казуистические замысловатые вопросы, которые затем распутывались с помощью сложных хитросплетенных умозаключений и логических ухищрений. Второй метод требовал простого логического изучения текста и четкого изложения, не допускающего никаких отклонений в сторону. Мой дедушка был представителем второго направления. Ему я обязан развитием моей способности логического мышления и ясного изложения. Формальное развитие моего ума в школе дедушки дополнялось чтением, которое обогащало меня реальными современными знаниями. Этим я обязан моей матери, которая была образованной, просвещенной женщиной. Она владела довольно большой библиотекой современной литературы, перешедшей впоследствии к моему дяде, который начал выдавать книги для чтения местным жителям. С 5 лет я пристрастился к чтению. Страсть была столь велика, что родители испугались, как бы я психически не заболел, и запретили мне читать. Но это не помогало - я прятался в укромных углах и читал. Помню, как я однажды комфортабельно устроился на чердаке. Там была большая пасхальная бочка. Я придвинул ее отверстием к окошку, устал внутри сеном и там устроился. Я слушал, как меня ищут по всему дому, и даже на чердаке, но спокойно лежал и читал. Так мне удалось наслаждаться несколько недель, пока не было обнаружено мое местопребывание. После этого мне приходилось убегать из дому и прятаться с книгой где-нибудь в сарае или на задворках. Наконец, запрет был снят, и я получил возможность продолжать чтение дома. Дедушка был очень недоволен тем, что я урываю время от изучения священных книг и читаю светскую литературу. Он говорил: "Либо я, либо дядя – выбирай." Но я ухитрялся изучать и то, и другое. Когда мне исполнилось 10 лет, в Чернобыле открылась казенная талмуд-тора /школа для бедных/ с преподаванием на русском языке. Я просил отца, чтобы меня определили в эту школу, т.к. я хотел изучить русский язык. Но учился я в этой школе всего недели две. Я ни слова, не понимал в объяснениях учителя и сильно от этого страдал. Между тем, учитель, настоящий "человек в футляре", третировал меня как умственно-отсталого. Мое самолюбие не выдержало, и я покинул школу. Пришлось изучать русский язык по самоучителю, с чем я неплохо справился. Овладев русским языком, я получил доступ к необъятным богатствам великой русской литературы и мировой науки. Я основательно изучил литературный русский язык, грамматику и синтаксис, но правильно говорить по-русски я научился значительно позже - в годы советской власти. В 13 лет я отличался хорошо вышколенным умом и довольно обширными познаниями, главным образом, по литературе. Семья наша была очень бедна, и мне пришлось пойти на самостоятельные заработки. Первый выезд Когда мне исполнилось тринадцать с половиной лет, я поехал учителем в деревню Домонтов. Попал я в чрезвычайно тяжелые условия. Хозяйка моя оказалась настоящей ведьмой. Крестьяне называли ее "Бурей". Я ей нужен был не столько как учитель для ее трех детей, сколько как батрак. Старшая моя ученица, которая была и значительно больше, и значительно старше меня, с первого же дня меня возненавидела. Она ругала мать /при мне/ последними словами за то, что та меня привезла. Жилище представляло собой одну комнату, четверть которой занимала печь. В другой четверти за сапожным верстаком сидел муж хозяйки, свирепый на вид одноглазый мужчина, занимавшийся сапожным ремеслом. Жены он боялся, как маленький ребенок, и при ней не смел слова сказать. В оставшейся части стояли стол, кровать и широкая деревянная скамья. В кровати спали отец, мать и старшая дочь, а на скамье спал я с двумя учениками. Грязь была совершенно невероятная. При одном виде того, как готовится пища, меня затошнило в первый же день. Я отказался от вареной пищи и просил только хлеба. Это вызвало взрыв гнева у хозяйки. Она бросилась на меня с кулаками. Я пробыл в этом аду дней десять, и за все это время мне ни разу не удалось позаниматься со своими учениками, ни разу не удалось взять книгу в руки. Жители села меня жалели, но они боялись "Бури". Меня спас рыбак из ближнего села - Страхолец. Ему рассказали о моей несчастной доле, и он, здоровенный мужчина с большой рыжей бородой, увел меня к себе, предложив обучать двух его маленьких

детей. Но моей новой хозяйке не понравилось, что я так много читаю /я имел с собой сундук с книгами/. Я слышал ночью, как она доказывала мужу, что я психически ненормальный, что за мной надо следить, чтобы я, не дай Бог, не бросился в колодезь или не попал под лошадь. И, действительно, она начала меня преследовать; мне стало еще хуже, чем в Домонтове. Я не выдержал и однажды на рассвете, когда рыбака не было дома, а хозяйка спала, я тайком вышел из дома и пошел пешком в Горностайполь, оставив свой сундук с книгами и вещами. Из Горностайполя я случайными подводами перебрался в Чернобыль. Так кончился мой первый выезд. Первые педагогические шаги

Через год я опять поехал учителем - в село Краспицу. Я попал в семью обедневшего еврея, служившего где-то в Киеве. Это было в голодный год. Не было ни хлеба, ни картофеля, и еще издохла от голода корова. Я едва держался на ногах от голода, но самолюбие не позволяло мне опять бросить работу, и я продержался на этой кондиции полгода согласно уговору. Заработав, таким образом, немного денег, я получил возможность полгода прожить в Чернобыле и учиться. Затем я опять поехал на кондицию, в Старые Шепеличи, где пробыл около полутора лет. В те годы /1908-1909/ я выпускал "Вестник знания". Этот журнал давал в качестве бесплатных приложений много книг по всем отраслям знания: по истории, литературе, физике, философии, биологии, педагогике и т.д. С жадностью накинусь я на книги. По договору я должен был учить детей 12 часов в сутки. Хозяйка часто заглядывала в щелочку, чтобы проверить, не сплю ли я в учебное время, честно ли я учу ее детей. Но спящим она никогда меня не видела. Я избрал метод самостоятельной работы для своих учеников. Они усердно писали, читали, решали задачи, а я вместе с ними усердно учил свои книги. Трудно мне приходилось. Помню книгу по органической химии. Я не знал, что раньше нужно изучить неорганическую химию, я не имел даже представления о существовании такой науки. Органическая химия мне понравилась, потому, что говорилось о вопросах, которые меня очень интересовали. Но при первом чтении я ничего не понял. Особенно меня смущало слово "валентность". Но что было делать? Помощи мне никто не мог оказать. И страстно хотелось разгадать тайну. Восемь раз я прочитал эту книгу, напрягая все силы своего изощренного талмудической гимнастикой ума. И я победил. Из контекста я понял, что такое валентность, и все стало для меня ясным. Так я штудировал и философию Ницше, и зоологию Шмейля, и "Астрономические вечера" Клейна, и педагогику Циглера, и историю западных славян и т.д. Случайно мне в руки попала книга Коптерева "Педагогическая психология". Трудно передать впечатление, которое она на меня произвела. Карьера учителя уже давно была выбрана мною окончательно и бесповоротно. Еще за два года до этого я написал в ответ на вопрос, кем я хочу быть, что я буду учителем, если удастся - профессором, а если нет - народным учителем. Но книга Коптерева определила мой интерес к научной педагогике. Хочу рассказать еще об одном эпизоде, который имел большое значение в моей педагогической жизни. По примеру своих учителей из хедера я применял телесные наказания. Когда ученики не хотели учиться или не слушали моих объяснений, я их бил. Мне теперь смешно вспомнить, как я, маленький, щупленький, поднимался иногда на носки, чтобы ударить своего великовозрастного ученика за непослушание. Этого требовали родители моих учеников - они считали, что без розги, без битья нельзя добиться успехов в учебе. Я бил детей и не видел в этом ничего зазорного. Однажды ко мне пришел мой старший брат, который также был учителем в соседнем селе /Новые Шепеличи/. В то время в наших местах скрывался видный революционер Шмайюнок, Его имя было окружено ореолом таинственности. Крестьяне прятали его от разыскивавших его жандармов. Этот революционер однажды пришел к брату и сделал ему строгое внушение за то, что он бьет детей. - Какое вы имеете право, - сказал он, - бить ребенка? Вы, молодой человек, должны бороться вместе со всей прогрессивной общественностью за свободу человеческой личности, а вы ее угнетаете. Чем же вы лучше царских жандармов? Брат стал оправдываться тем, что родители этого требуют. На это Шмайюнок сказал: - Никто не дал родителям права распоряжаться душою своих детей. Дети принадлежат обществу, из них нужно воспитывать борцов за свободу, а битьем можно воспитать только рабов. Слова эти, точно переданные мне братом, произвели на меня большое впечатление. Я понял их глубокую правду и не только перестал бить детей, но возненавидел всякие методы воспитания, унижающие ребенка, угнетающие его личность. После этого Шмайюнок еще раз встретился с братом и рекомендовал ему прочитать педагогические сочинения Л.Н.Толстого. Мы с братом достали эту книгу и внимательнейшим образом проштудировали ее. И если книга Каптерева определила мой интерес к педагогической психологии, то педагогические сочинения великого гуманиста Толстого дали направление моим педагогическим исканиям на долгие годы. Организация школы С 1910 года я работал в Чернобыле в качестве частного учителя. В то время я узнал об Ушинском. Большое впечатление на меня произвели высказывания Ушинского о роли родного языка. Когда я читал слова Ушинского о школе, в которой говорят на непонятном для ребенка языке, о том, как эта школа задерживает умственное развитие детей, превращается для них в ад, я не мог не вспомнить своих переживаний в казенной талмуд-торе, где из меня и сделали "умственно-отсталого". Я решил организовать школу с преподаванием на родном еврейском языке. У меня

было несколько способных учеников, которых я готовил к экзаменам. С их помощью я организовал несколько групп детей, которых я и мои ученики учили грамоте, арифметике и другим дисциплинам на родном языке. Таким образом, в начале 1911-го года возникла одна из первых еврейских школ в мире, где преподавание было светским и проводилось на родном языке. До того времени были только хедеры и казенные школы с преподаванием на русском или древнееврейском языке. В конце 1911-го года я переехал в Киев, но мои ученики продолжали занятия в группах, а я часто приезжал из Киева и помогал им. В 1914 году я опять поселился в Чернобыле. Как известно, в 1914 году был издан указ о частных школах, по которому разрешалось преподавать на родном языке. Мы воспользовались этим законом и легализовали нашу школу, которая раньше существовала нелегально. Высшее образование Знания, довольно обширные, приобретенные путем чтения и самообразования, меня не удовлетворяли, я стремился к высшему образованию. Самой возвышенной моей мечтой было - поступить в университет. Мне было не трудно подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости экстерном. Но в 1911 году был издан указ черносотенного министра Кассо, которым вводилась процентная норма для экстернов-евреев. Когда я подал свои документы в 4-ю гимназию, мне сказали, что к экзаменам на аттестат зрелости я допущен не буду, так как согласно циркуляру, должно быть девять русских экстернов, чтобы можно было допустить одного еврея. Возвращаясь из гимназии, я сел на скамейку в Николаевском парке против университета, смотрел на его красное здание и плакал над своей разбитой мечтой. Мог ли я тогда знать, что не пройдет и двадцати лет, и я войду в это же здание как равноправный гражданин и уже не в качестве студента, а в качестве профессора? Что же мне тогда оставалось делать? Был единственный путь для поступления в университет, правда, обходный, но иного пути не было. Я поступил в аптеку. Три года я работал аптекарским учеником. Эта работа не могла меня интересовать. Я и теперь вспоминаю, с каким отвращением и тоской я долгими часами на протяжении многих месяцев фасовал пуды зубного порошка и разливал по бутылочкам ведра касторового масла. Наконец, кончился стаж аптекарского ученика. Я экзаменовался на аптекарского помощника. Предстояло еще три года проработать в аптеке помощником, чтобы получить право поступить в университет. Но ввиду военного времени мне удалось сократить этот срок. В 1915 году в июне я, наконец, поступил на фармацевтическое отделение медицинского факультета Киевского университета. Я посещал лекции профессора Косоногова по физике, профессоров Барзиловского и Реформатского – по химии, профессора Воскобойникова - по зоологии и т.д. С удовольствием и жадностью выполнял я практические работы. В 1918 году я окончил университет и получил степень провизора. В том же 1918 году я сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил на филологический факультет университета. Но его я не кончил. В то время меня захватила живая педагогическая работа, а на филологическом факультете была мерзость запустения. Старое отмирало, а новое еще не родилось, и я бросил университет. Профессиональная деятельность Как только я в 1911 году поступил в аптеку, мне сразу же пришлось столкнуться с профессиональными проблемами. В то время аптекарские ученики в аптеках подвергались безжалостной эксплуатации. Их эксплуатировали не только хозяева, но и старшие служащие, провизоры и аптекарские помощники. В аптеке, куда я поступил, был уже один аптекарский ученик, который должен был мыть посуду и чистить обувь для всего персонала. Я с первого дня поставил себя так, что меня не смели трогать. Внушало ко мне уважение то, что я во время дежурств читал серьезные, научные и философские книги. Но меня возмущало отношение к моему товарищу. Я узнал, что в Петербурге издается профессиональный журнал. И вот я написал статью о том, как хозяин и сами служащие эксплуатируют моего несчастного товарища. Но прежде, чем отправить эту статью в журнал, я дал ее прочитать товарищам. Произошла сцена, напоминающая сцену из Гоголевского "Ревизора". Все получили свою долю в этой статье. А написана она была резко, с молодым задором. Вечером на дежурство ко мне пришел представитель от коллектива для переговоров. Достигнув соглашения об изменении отношения к моему товарищу, я тут же статью порвал. Никогда ни одна моя статья не давала такого эффекта, как эта ненапечатанная статья. Через некоторое время состоялось нелегальное собрание полуполигального союза фармацевтов. На этом собрании говорили о Ленском расстреле, о росте рабочего движения. Я тоже выступил, и моя речь понравилась. Кое-кто также знал о моих выступлениях в защиту товарища; и вот я оказался избранным в секретариат Союза. В годы войны союз проявлял мало деятельности, но в 1917 году, после февральской революции деятельность союза развернулась. Как секретарь союза я руководил забастовкой, которая закончилась нашей полной победой. Но после этого хозяева перешли в наступление. Они стали выбрасывать из аптек активистов и заменять их членами образовавшегося польского желтого союза. Мы объявили забастовку, которая окончилась локаутom. На нашей стороне были только руководители большевиков. В городской управе, где сидели меньшевики, разводили руками и предлагали пойти на мировую. В Совете Рабочих Депутатов, где были большевики, нам говорили: "Держитесь, скоро будет советская власть". И действительно, когда советская власть в 1918 году пришла в Киев, аптеки были национализированы, наиболее подлые хозяева - наказаны, а желтый союз -

разогнан. В ночь вступления частей Красной Армии в Киев наш вооруженный отряд фармацевтов занял все киевские аптеки, чтобы не дать хозяевам уничтожить или спрятать ценные медикаменты. Я уже давно тяготился фармацевтической работой, но пока шла тяжелая борьба с аптекарями, я не считал возможным оставлять свой пост секретаря Союза. Как только установилась Советская власть, и все пострадавшие товарищи вернулись на работу в национализированные аптеки, я оставил аптеку и полностью переключился на педагогическую деятельность, в которой я к тому времени уже имел большие успехи. Но аптекари меня не забыли. Они обещали повесить меня и председателя союза тов. Хаскина на фонарных столбах на Крещатике, как только уйдет советская власть. И во время пребывания в Киеве деникинцев мне приходилось прятаться от них. Работа в аптеке и профессиональная деятельность оказали положительное влияние на формирование моего педагогического мировоззрения. Я на личном опыте познал воспитательное значение физического труда. Когда рецептор возвращал мне 3-4 раза бутылочку за то, что она была не так завязана, я получал практические уроки аккуратности. Когда я должен был за одну смену изготовить 120—150 рецептов, я поневоле учился азбуке рациональной организации труда, а это мне впоследствии очень пригодилось и в детском доме, и на Высших Педагогических курсах. Особенно много дала для развития моего мировоззрения профсоюзная деятельность, борьба с хозяевами и желтым союзом. Для меня это были как бы практические занятия при изучении "Капитала" Маркса и произведений В.И.Ленина. Теоретические формулы учения о классовой борьбе заполнялись конкретным практическим содержанием. Педагогическая деятельность в первые годы революции

Вечерняя рабочая школа После Февральской революции я организовал в клубе им. Гроссера /на Хоревой ул./ вечернюю рабочую школу. В школе я преподавал математику и политическую экономию. Кроме того я часто читал научно-популярные лекции с волшебным фонарем. По образцу организованной мною школы в Киеве было создано еще несколько школ. Мы создали объединение этих школ. Во главе объединения стояли представители еврейской мелкобуржуазной организации "Культурлига", которая эти школы финансировала. После установления Советской власти представители "Культурлиги" противились передаче этих школ органам советской власти. Тогда на общем собрании слушателей и преподавателей всех школ по моему докладу старое руководство было отстранено, меня избрали председателем объединения, и я провел организованную передачу всех школ во внешкольный отдел Наркомпроса. Организованная мною вечерняя школа была передана, швейной фабрике на Подоле. В этой школе я продолжал работать руководителем и учителем до 1926 года. Детский дом и школа. В 1918 году я вместе с т.Слуцким организовал в Киеве высшее еврейское начальное училище. В этом училище я преподавал язык и математику. В училище была группа детей – воспитанников детского дома по ул.Ярославской 40. Я заинтересовался этим домом. У меня возникла идея организовать в этом доме школу нового типа по образцу лучших школ с революционным содержанием. В 1919 году я принял на себя руководство этим домом и приступил к осуществлению этой идеи. В основу своего опыта я положил следующие принципы: 1. Организация детского коллектива на основе возможно большего развития самостоятельности детей, их инициативы и чувства ответственности перед коллективом. 2. Организация производительного труда детей по самообслуживанию, в мастерских и на сельскохозяйственной ферме как основа воспитания. 3. Тесная связь с окружающей жизнью. Непосредственное изучение жизни путем экскурсий и участия в ней. 4. Организация обучения на новых началах, на началах политехнизации, самодеятельности, творческой активности. Успех поставленного мною опыта превзошел самые большие ожидания. То были годы гражданской войны. Киев неоднократно подвергался нашествию всяческих банд - деникинцев, петлюровцев, белополяков. В городе свирепствовала, эпидемия сыпного тифа. Хроническое недоедание, а подчас и настоящий голод, длинные зимние ночи в абсолютной темноте, жестокие морозы без полена дров, вечная боязнь эпидемии тифа и других болезней - таковы были условия нашей работы в 1919-1920 годах. Вспоминаю такой эпизод. Однажды, в дни власти белополяков и петлюровцев, когда в доме совершенно истощились продукты питания, и дети уже лежали в своих кроватках, обессиленные от голода, мы вдруг получили от Управы 30 золотых рублей с сопроводительной бумагой, в которой было указано, что эти деньги нельзя тратить на покупку продуктов, т.к. они предназначены на погребение детей, которые умрут от тифа или голода. Подлые петлюровцы сознательно ориентировались на вымирание детей. Только благодаря невероятной самоотверженности моих сотрудников и хорошей организации детского коллектива удалось спасти детей. С гордостью вспоминаю, что в нашем доме не было ни одного случая сыпного тифа, и это в то время, как из общежития, расположенного в соседнем доме, ежедневно на подводах вывозили трупы умерших за ночь от тифа людей. В самые тяжелые моменты порядок в детском доме не нарушался, ни на одну минуту не опускались руки ни у воспитанников, ни у воспитателей. Бодрое настроение и атмосфера радостной творческой деятельности постоянно царили в доме, ибо мы знали, что советская власть победит, и наступит новая счастливая жизнь. И это время пришло. Советская власть окончательно утвердилась.

Работа в детском доме развернулась во всю ширь. Особенно замечательным был взлет творческой активности детей, которая проявлялась и в области создания новых форм коллективной жизни, и в области искусства, и в области техники. Наш дом был признан образцово-показательным. Слава о нем широко распространилась не только в нашей стране, но и за ее пределами. В США появилось несколько восторженных статей, написанных американцами, которые посетили наш дом. Автор одной из этих статей назвал наш дом "домом радости". Детский дом по ул. Ярославской 40 был подлинным моим университетом, в доме были дети всех возрастов от 4-х до 16-ти лет. Я жил в этом доме вместе с детьми, поднимая их на работу по утрам, и укладывая их спать по вечерам, участвовал в их играх и развлечениях, делил с ними горе и радости, наблюдал за ними в праздники и в будни, во время труда и отдыха, учил и воспитывал их. Опыт работы в детском доме я описал и обобщил в ряде своих произведений: "Пути социального Воспитания", "К новой школе", "Метод новой школы", "Швейная машина как пособие политехнического Воспитания", "К новой школе", "Метод новой школы", "Швейная машина как пособие политехнического Обучения" и др. Близкий контакт с детьми всех возрастов обогатил меня знанием возрастных и индивидуальных особенностей детей. Эти знания мне пригодились, когда я писал статьи о детях: "Физическое и психическое развитие детей", "Наивность детей", "Капризы детей", "Воспитание детей в Семье", "Индивидуальный подход к учащимся в процессе обучения" и др. Практическая учебно-воспитательная работа с детьми дала мне большой материал для моих теоретических работ по дидактике и по методике воспитания. В детском доме я работал до 1927 года. До 1923 года в доме была внутренняя школа. Опыт показал, что такая школа способствует изоляции детей от окружающей жизни. Поэтому я в 1923 году организовал вне детского дома трудовую школу /по ул. Константиновской, 37/ для обслуживания наших детей и детей населения района. Школа работала в тесном контакте с детским домом. Подготовка учителей Мне приходилось заниматься подготовкой учителей с первого дня моей общественно педагогической деятельности. Первыми учителями организованной мною в 1911 году школы были мои ученики. Я не только давал им общеобразовательные знания, но также педагогические и методические. Я их учил, как обучать детей грамоте и письму, как вести уроки объяснительного чтения, как учить арифметике. Часто я давал показательные уроки. Мне особенно запомнились две лекции, прочитанные мною, вероятно, в 1914 году - о наглядности и о развитии речи. Эти лекции так живо запомнились потому, что я тогда для себя самого впервые уяснил эти важные педагогические проблемы. Работа по подготовке учителей особенно развернулась после революции. Советская власть организовала широкую сеть учебно-воспитательных учреждений, и возникла большая потребность в педагогических кадрах. В 1919-1921 г.г. я принимал участие в организации ряда краткосрочных курсов, месячных, трехмесячных, годичных, на этих курсах я читал педагогику. В 1920 году Наркомпросом мне было поручено организовать Высшие Еврейские Педагогические Курсы в Киеве. С большим увлечением я отдался этому делу. Я связал эти Курсы с детским домом, школой для детей и вечерней рабочей школой. Таким образом, мне приходилось руководить целым педагогическим "комбинатом". Студенты Высших Педагогических Курсов принимали активное участие в работе вечерней школы, школы для детей и детского дома. Это была настоящая производственная педагогическая практика, которая оказалась весьма эффективной. В подготовке будущих учителей я особенно много внимания уделял воспитанию самостоятельности и умения работать над самообразованием. Такая установка была необходимой в те годы, так как общеобразовательный уровень студентов был весьма низкий. Курсы не могли обеспечить достаточно высокого уровня знаний. И я всемерно внушал своим студентам мысль, что они должны будут по окончании курсов непрерывно работать над собой, чтобы приобрести необходимые, недостающие им знания и не отстать от жизни. Чтобы помочь выпускникам курсов, я организовал Консультационное бюро, которое издавало специальный бюллетень, печатавшийся на шапирографе, для учителей, окончивших наши курсы. Кроме того, все наши бывшие студенты собирались ежегодно в летние месяцы на дополнительные курсы- конференции. В 1926 году мне удалось организовать при нашей ферме на Сырце дом отдыха, в котором наши бывшие студенты могли сочетать отдых с занятиями для углубления своих педагогических знаний и расширения своего кругозора. Опыт прекрасно удался. Отдыхающие работали 4 часа ежедневно, слушали лекции, совершали экскурсии в музеи, на фабрики и заводы и т.п. Все очень хорошо отдохнули, прибавили в весе, и в то же время получили хорошую зарядку для своей дальнейшей работы. Организованные мною Высшие Педагогические Курсы, впоследствии пед- техникум, просуществовали до 1929 года, когда они влились в Киевский Педагогический Институт в качестве сектора. Опыт моей работы на этих Курсах я описал и обобщил в ряде статей /"О работе Киевских Высших Педагогических курсов", "Производственная педагогическая практика в педвузах" и др./. В 1929 году я переехал в Одессу, куда я был назначен заведующим кафедрой педагогики Института Народного Образования. В 1930 году вернулся в Киев. С 1930 года и до войны я заведовал кафедрой педагогики Киевского Государственного Университета и был профессором кафедры педагогики Киевского Педагогического Института.

Научно-исследовательская работа Формально, начало моей научно-исследовательской работы относится к 1921 году, когда я написал свою первую научную статью "О путях социального воспитания". /Напечатана в 1-м номере журнала "Педагогический бюллетень" за 1922 год/. Но фактически я начал заниматься этой работой значительно раньше. Обучая детей, я всегда старался осмысливать свою работу, испытывал различные методы, экспериментировал. В процессе этой работы у меня возникали идеи, которые я впоследствии реализовал в своих статьях. Бывало и так, что я "изобретал" такие идеи, которые уже давно были установлены, но мне не были известны. Помню, например, как я "изобрел" новый метод преподавания грамматики. Это было в 1910-11г.г. Я преподавал грамматику по учебнику Кирпичникова. Мой опыт показал, что нельзя начинать преподавание грамматики сразу с членов предложения и частей речи, как это делал Кирпичников. Я разработал ряд предварительных упражнений по наблюдению над языком, я добивался того, чтобы ученики научились находить вопрос, на который отвечает то или иное слово, различать между предметом, качеством и действием, и только после этого приступал к изложению грамматики по Кирпичникову. Мое нововведение дало хорошие результаты, и я очень гордился им. Каково же было мое разочарование, когда я впоследствии узнал, что мое "изобретение" уже давно изобретено другими! Вплоть до революции я был репетитором, готовил к экзаменам отстающих гимназистов. Эта индивидуальная работа с детьми предоставила мне широкое поле для экспериментов. Научный подход делал для меня эту работу интересной и даже увлекательной. Я когда-то был очень вспыльчивым. Незнание ученика заставляло меня глубоко страдать и часто выводило из терпения, но с тех пор, как у меня появился научный подход к учебной работе, мое отношение к отстающим ученикам изменилось. Тупость, проявляемая учеником, начала вызывать у меня вместо чувства гнева и возмущения, чувство любознательности. Непонимание превратилось для меня в интересную проблему, которую я старался изучить. Начало моей работы в научно-исследовательских учреждениях относится к 1924 году, когда я начал работать в Кабинете Социальной Педагогики, которым я впоследствии руководил. С 1930 по 1936 г.г. я руководил педагогической секцией Института еврейской культуры при Академии Наук УССР, С 1936 года я работаю в Украинском Научно-Исследовательском Институте Педагогики, За 25 лет научной работы я написал около 110 научных работ, из них около 20 отдельных изданий, книг, брошюр, учебников. За годы работы в научно-исследовательских учреждениях я подготовил около 20 аспирантов, которые теперь преподают педагогику в различных педагогических институтах Украины, РСФСР и других республик. Важнейшие проблемы, над которыми я работал и работаю, следующие: 1. Гносеологическое, логическое и психологическое обоснование учебного процесса. Я глубоко убежден в том, что раскрытие гносеологических, логических и психологических закономерностей обучения обеспечит нам возможность, по словам Ушинского, "дать человеку с обыкновенными способностями, и дать прочно, в десять раз более сведений, чем получает теперь самый талантливый". Достижению этой заманчивой цели я посвящаю свои основные труды. 2. Индивидуальный подход к детям. Педагогическая наука должна вооружить педагога способностью эффективно бороться с индивидуальными проявлениями отставания и недисциплинированности. Для этого нужно разработать методы диагноза и корригирования умственного отставания, неуспеваемости и недостатков в эмоциональной и волевой сфере детей. Над этим я работаю уже много лет. 3. Методы педагогического воздействия. Особенно много внимания я в последние годы уделяю методике воспитательной беседы. 4. Воспитании навыков самостоятельной работы, в частности, сознательного чтения. В связи с этим я в последние годы работаю над проблемой объяснительного чтения. 5. Пути и методы практической подготовки студентов пединститутов к их будущей учительской деятельности. В 1927 году на основании моих научных работ мне было присвоено звание профессора педагогики. В 1936 году это звание было утверждено Квалификационной Комиссией Наркомпроса УССР, и мне была присвоена степень кандидата педагогических наук. В 1940 году в Московском Педагогическом Институте им.В.И.Ленина я защитил докторскую диссертацию на тему "Теория и практика учебного Процесса ". На основании этой защиты мне была присвоена ученая степень доктора педагогических наук. В дни Великой Отечественной войны 5-го июля 1941 года я эвакуировался в г. Кустанай Казахской ССР. В день моего приезда в Кустанай я был назначен заведующим кафедрой педагогики Кустанайского Учительского института, а через три месяца - заведующим научно-учебной частью института. Эти должности я исполнял до дня реэвакуации из Кустаная. Тяжелы были условия работы высших учебных заведений в дни войны. Институт, в котором я работал дважды переезжал из помещения в помещение. Приходилось работать в совершенно непригодном для этого здании. Топлива не было, а на дворе стояли морозы в 30-35°. Стены аудиторий были покрыты толстым слоем льда и снега, чернила замерзали даже в авторучках. В этих условиях для меня как руководителя учебной и научной работы основной задачей было добиться, чтобы ни один рабочий час не пропал впустую. Весь коллектив института был охвачен патриотическим подъемом. Мы знали, что наши трудности и лишения не идут ни в какое сравнение с тем, что приходится

испытывать нашим героическим бойцам и командирам на фронтах, нашим рабочим и колхозникам на заводах и полях. Мы знали, что наша учебная работа так же нужна Родине, как и героический труд всего народа, и в этом сознании черпали мы силы и бодрость. Наряду с работой в Институте я уделял много внимания работе среди учителей. Война, поставила перед школой ответственные задачи. Нужно было пересмотреть всю учебно-воспитательную работу, подчинить ее основной задаче, поставленной Коммунистической Партией - задаче беспощадного разгрома врага. Я считал своим долгом помочь школе в это трудное время. Прочитал ряд докладов на темы о работе школы в условиях Отечественной войны. Я организовал при Учительском Институте факультет усовершенствования учителей, на котором систематически читались лекции по педагогике, психологии и методике. Я принимал участие в проведении ряда курсов и конференций для учителей района и области. Но больше всего времени и энергии я в эти годы отдавал лекторско-пропагандистской работе, будучи внештатным лектором Обкома и Горкома КП/б/К. В Кустанае формировались части Красной Армии, которые после кратковременного обучения отправлялись на фронт. В городе были расположены госпитали и эвакуировавшиеся военные училища. Во всех этих воинских частях и учреждениях, а также среди населения я систематически читал лекции и доклады на военно-политические темы. Наибольшее удовлетворение мне доставляло чтение напутственных докладов частям, отправлявшимся на фронт. Я старался вызвать у них жгучую ненависть к подлым фашистским захватчикам и уверенность в нашей победе. Когда мне удавалось взволновать своих слушателей, когда в ответ на мои слова их глаза зажигались гневом и ненавистью к врагу, я чувствовал, что в их будущих ратных подвигах будет некоторая частица, пусть самая микроскопическая, моей энергии, моей ненависти к врагу и боли за Родину. Поэтому к таким докладам я особенно тщательно готовился. Я выезжал с докладами на политические темы также в колхозы области. Всего за время пребывания в Кустанае я прочитал свыше 300 лекций и докладов. Условий для научной работы в Кустанае не было. Поэтому я за эти годы напечатал только две Работы: "Педагогика рабовладельцев XX столетия" и "Основы ораторского искусства". В первой работе я постарался показать преступление фашистов против педагогики, превращение ими педагогики в орудие массового производства звероподобных исполнителей гитлеровских чело́веконенавистнических планов: бандитов, дегенератов, изуверов и убийц. Статья была напечатана в 11-м номере журнала "Советская педагогика" за 1941 год. Я имел счастье получить с фронта письмо от одного офицера, в котором он сообщал, что моя статья ему очень понравилась, что он ее прочитал своим бойцам перед самым боем, и она произвела на них большое впечатление. Вторую работу я написал в связи с постановлением Управления по делам агитации и пропаганды ЦК ВКП/б/ об изучении основ ораторского искусства в семинарах агитаторов и пропагандистов. Эта работа была выпущена отдельным изданием Кустанайским Обкомом КП/б/К. Кроме того, я много работал над подготовкой научных докладов, которые я читал в Университете Марксизма-Ленинизма для офицеров Красной Армии, Важнейшие из них следующие: "Фашизм - враг культуры и человечества." "Экономические ресурсы стран антифашистской коалиции и агрессивных государств". "Банкротство гитлеровской стратегии и тактики." "Расовая теория фашистских изуверов". "Фашистский новый порядок в Европе". "Корни фашизма в истории Германии". "Подготовка второй мировой войны." "Роль морального фактора в современной войне". "Источники моральной силы Красной Армии и советского народа". "Германский разбойничий империализм и его исторические корни". "Коммунистическая Партия - вдохновитель и организатор наших побед". После Великой Отечественной войны я работал заведующим кафедрой педагогики Киевского Педагогического института и одновременно заведывал отделом педагогики Украинского Научно-Исследовательского Института Педагогики.